

ЖАНЪ БАТИСТЪ АЛЕКСАНДРЪ ЛЕБЛОНЪ (LEBLOND),

Генераль-Архитекторъ.

Въ своихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ Великій Петръ не ограничивался лишь пріобрѣтеніемъ на Западѣ необходимыхъ практическихъ научныхъ и техническихъ знаній и навыковъ, но всячески старался пріюпитъ въ Россіи и западно-европейское искусство. Еще въ 1715 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ государь писалъ комиссару отъ адмиралтейства въ Парижѣ Конону Никитичу Зотову во Францію: „Какъ вамъ при отъѣздѣ наказано стараться о механикѣ и прочіихъ, тоже и нынѣ подтверждаемъ, къ тому же сіе прилагаю: поспеже король Французскій умеръ, а наслѣдникъ зѣло молодъ, то чаю многіе мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, чего для навѣдывайся о такихъ и виши дабы потребныхъ не пропустить“. Кононъ Зотовъ прекрасно справился съ даннымъ ему порученіемъ. Съ большими хлопотами ему удалось привлечь на русскую службу первокласснаго французскаго мастера „королевскаго архитектора“ Жана Батиста Александра Леблона (Leblond). Приглашеніе Леблона въ Россію Зотовымъ произошло какъ разъ во время пребыванія Петра Великаго за-границей. Въ началѣ 1716 года Зотовъ привезъ Леблона въ Пирмонтъ, гдѣ въ это время находился Петръ, Петръ Великій имѣлъ возможность только въ теченіе трехъ дней видѣть Леблона, побесѣдовать съ нимъ и обсудить осуществленіе будущихъ архитектурныхъ предпріятій въ С.-Петербургѣ. За этотъ короткій срокъ Леблонъ сумѣлъ очаровать и увлечь своимъ „проектами“ Великаго Преобразователя и тотъ вполне оцѣнилъ даровитаго француза. Особенно заботясь объ украшеніи своего „земнаго парадиза“— Санктъ-Питеръ-Бурха, въ условіяхъ бѣдной финской природы, Петръ Великій чрезвычайно интересовался развитіемъ русскаго садоводства.

Поэтому выборъ Леблона былъ особенно удаченъ для Петра, такъ какъ въ Леблонѣ онъ приобрѣталъ не только прекраснаго зодчаго, но также и тонкаго мастера *L'art des jardin*, ученика знаменитаго Ленотра: Будучи, какъ и самъ императоръ, страстнымъ поклонникомъ воды и тѣхъ блестящихъ эффектовъ, которые въ этомъ особомъ искусствѣ достигаются сочетаніемъ ея съ общими условіями пейзажа и насажденіями, Леблонъ могъ осуществить мечту Петра о „земномъ парадизѣ“ среди бѣдной сѣверной природы Балтійскихъ прибрежій. Низменные берега Невы и весь скромный прибалтійскій пейзажъ Ингерманландіи, напоминающій нѣсколько побережье Голландіи, былъ довольно благодарнымъ фономъ, на которомъ тусклые зеркала, застывшихъ въ нѣмомъ оцѣпененіи каналовъ, прудовъ и озеръ при общемъ тускломъ и блекломъ колоритѣ давали цѣлостную гамму эффектовъ и настроеній. Въ Пирмонтѣ былъ окончательно „апробованъ“ и контрактъ съ Леблономъ. Сначала Леблонъ былъ приглашенъ на 5 лѣтъ съ жалованьемъ въ размѣрѣ 5000 рублей въ годъ, что по тому времени было суммой большой. При этомъ Леблону полагалась казенная квартира, экипажъ и прислуга. Ему же было предоставлено право пригласить всѣхъ необходимыхъ ему техникувъ, механиковъ и мастеровъ. Пригласивъ Леблона къ себѣ на службу, Петръ Великій писалъ своему „герценсъ—киндъ Сашъ“—свѣтлѣйшему Александру Даниловичу Меншикову: „Леблону примите пріятно и по его контракту довольствуйте, ибо сей мастеръ изъ лучшихъ и прямо диковенкою есть, какъ я въ короткое время могъ рассмотреть; къ тому же не лѣнивъ, добрый и умный человекъ; также кредитъ имѣеть великой въ мастеровыхъ во Франціи, и кого надобно черезъ него достать можемъ. И для того объявить всѣмъ архитекторамъ, чтобъ всѣ дѣла, которыя вновь начинать будутъ, чтобы безъ его подписи на чертежахъ не строили, также старое, что можно еще исправить“. Съ этого времени ему было присвоено званіе „генераль-архитектора“.

Леблонъ прибылъ въ С.-Петербургъ 14 августа 1716 года при чемъ уплата жалованія ему началась съ 11 мая 1716 года, „какъ онъ въ службу принять“. Жалованье уплачивалось ему за годъ впередъ; нашъ документъ¹⁾ говоритъ: „и то жалованье (5000 рублей) ему въ дачѣ сполна: въ томъ числѣ въ Парижѣ 2100 рублей и въ Санктъ-Штеръ Бурхѣ 2900 рублей“. Своимъ правомъ приглашать себѣ сотрудниковъ Леблонъ воспользовался довольно широко. Въсѣтъ съ нимъ прибыли и приглашенные имъ его сотрудники: 1) „Жирандъ Сваленъ, маши-

¹⁾ Дѣла и приговоры Пр. Сспата, кн. № 64/6, стр. 946—986. Архивъ Мин. Юстиціи.

нисть“, съ жалованьемъ по 1800 рублей на годъ; 2) „Николай Пиноу, рѣщикъ палатныхъ уборовъ“ съ жалованьемъ по 1200 рублей; 3) „Карлъ Тапа, строитель и кондукторъ“ съ жалованьемъ по 600 рублей; 4) „Эдмъ Бурбонъ, колонный обчергитель и рѣщикъ“ съ жалованьемъ по 300 рублей; 5) „Францъ Батилерхъ, подмастерье“ съ жалованьемъ по 240 рублей; 6) „Антонъ Кардасіеръ или Агурансъ, подмастерье въ колонномъ обчерченіи и въ рѣзбѣ“ съ жалованьемъ по 240 рублей; 7) „Иванъ Михель, столяръ“ съ жалованьемъ по 800 рублей; 8) „Вилимъ Бенлинъ, плесарь“ съ жалованьемъ по 1000 рублей; 9) „Карлъ Леклеркъ, плотникъ“ съ жалованьемъ по 500 рублей; 10) „Иванъ Ноазетъ или Санктъ Манжъ, полировщикъ на мѣди съ жалованьемъ по 500 рублей; 11) „Стефанъ Саважъ, литейный мастеръ“ съ жалованьемъ по 400 рублей; 12) „Иванъ Яковъ Гамеръ, шпалертъ богатыхъ шпалертъ большой руки“ съ жалованьемъ по 400 рублей; 13) „Иванъ Лудовикусъ Ваносса, шпалерникъ“ съ жалованьемъ по 400 рублей; 14) „Иванъ Бабтистъ Бурдинъ“, и 15) „Петръ Гринконъ“ также шпалерники съ жалованьемъ по 400 рублей на годъ. Всего вмѣстѣ съ Леблондомъ прибыло „поземлевъ мастеровыхъ людей“ 16 человекъ¹⁾. По прибытіи въ Петербургъ, Леблонъ, согласно уговору въ Пирмонтѣ, занялся новой разбивкой лѣтняго сада Петергофскаго парка и постройкой грандіознаго дворца, который Петръ задумалъ строить въ „Стрѣлиной мызѣ“ и положилъ начало устройства вокругъ него парка. Уже 16 ноября 1716 года онъ „былъ въ Лѣтнемъ Его Величества домѣ, что въ Санктъ-Питеръ-Бурхѣ для осмотра тамо строенія и что еще надобно дѣлать для совершеннаго окончанія того дома“. Въ результатѣ этого осмотра Леблонъ подалъ Меньшикову „доношеніе“²⁾, въ которомъ прежде всего намѣтилъ широкую программу перепланировки Лѣтняго сада, разбитаго у такъ называемаго Лѣтняго дворца, построеннаго въ 1711 году Трезини на мысу, образуемомъ Фонтанкой и Невой. Первоначально Лѣтній садъ былъ разбитъ въ Голландскомъ стилѣ. Характерными чертами этого стиля садовъ являются ихъ миниатюрные размѣры, выхоленный видъ рѣдкихъ экземпляровъ, по преимуществу, экзотическихъ деревьевъ и цвѣтовъ, и изумительная, доведенная до щепетильности, чистота и вылощенность. Дорожки въ такихъ садахъ бывали замощены плитками мозаики или кафлями и изразцами. Для оживленія общаго пейзажа въ саду располагались статуи, фигуры звѣрей и птицъ. Недостаткомъ этого типа садовъ являлось отсутствіе ифлостнаго художественнаго впечатлѣ-

1) Книга дѣлъ и приговоровъ Пр. Сената № 64/6 стр. 946—986. Архивъ Министерства Юстиціи.

2) Дѣла и приговоры Пр. Сената кн. № 67/9, стр. 211—313. Архивъ Мин. Юстиціи.

ніа, благодаря тому, что въ нихъ не было общей идеи, могущей связать разрозненные элементы въ одно цѣлое, дать имъ художественное бытіе, какъ самобытному и самодовлѣющему художественному произведенію. Нѣмецкій путешественникъ въ 1712 году писалъ о Лѣтнемъ садѣ¹⁾: „Правда я не замѣтилъ въ немъ какихъ либо особенныхъ раритетовъ, если не считать нѣсколькихъ статуй и бюстовъ изъ бѣлаго мрамора, среди которыхъ особенно выдѣлялся польскій король Янъ Собѣскій и его супруга, королева Шведская Христина и нѣкоторые другіе, все больше бюсты, хорошо сработанные. По срединѣ сада стоитъ бассейнъ, въ центрѣ котораго помѣщенъ гротикъ, изъ котораго бьетъ фонтанъ“. Въ 1715—1716 годахъ Лѣтній садъ былъ значительно украшенъ декоративными постройками Матарнови по чертежамъ Шлютера. Въ центрѣ сада была построена имъ очаровательная по мягкости и изяществу силуэта колоннада съ двумя боковыми павильонами. Къ этому времени были построены уже и галереи, ведущія къ рѣкѣ. Въ такомъ видѣ въ общихъ чертахъ засталъ Лѣтній садъ Леблонъ, когда онъ въ октябрѣ 1716 года его осматривалъ. Выученикъ Ленотра, основателя французской школы „L'art des jardins“, Леблонъ шелъ дальше своего учителя, вводя въ свои композиціи ландшафты окрестностей. Общій стиль творчества Леблona характеризуется „архитектурнымъ“, если такъ можно выразиться методомъ разбивки сада. Руководящей идеей, связывающей всѣ детали композицій, у Леблona являлась архитектурная правильность и симметрія въ расположеніи сада. Эта идея, заимствованная школой Ленотра изъ Италіи временъ господства стиля „барокко“, была ею освобождена отъ загроможденія деталями, украшеніями, преимущественно античными статуями, которыми злоупотребляли эпигоны „барокко“. Чрезмѣрно большое количество зданій и художественныхъ предметовъ различныхъ стилей, эпохъ и народовъ, какъ оригинальныхъ, такъ и представляющихъ собою болѣе или менѣе удачную копію, оставляло впечатлѣніе дурного вкуса. Вычурныя насажденія и вообще отсутствіе выдержки и простоты разрушали цѣльность впечатлѣнія. Сады Леблona, какъ виднаго представителя французской школы, обыкновенно представляли собою „лиственный городъ“ съ площадями, улицами, перекрестками, при чемъ искусно подстриженные насажденія давали зрителю иллюзію зданій, театровъ, башенъ, воротъ, портиковъ. Страстный любитель воды и ея эффектовъ, Леблонъ всюду помѣщалъ пруды, бассейны, каскады и фонтаны. Центромъ композиціи обыкновенно избирался дворецъ или охотничій замокъ—мыза, при которыхъ устраивался садъ. Главное зданіе помѣщалось на обширной, террасѣ, украшенной

¹⁾ П. Грабарь. Исторія Русскаго искусства, исторія архитектуры томъ III, стр. 22.

статуями, фонтанами, каскадами и проч. Отъ нея шла прямая, какъ стрѣла, широкая аллея (avenue), по сторонамъ обсаженная деревьями, иногда въ нѣсколько рядовъ. Когда позволяло мѣстоположеніе, по срединѣ главной аллеи проводился каналъ. По сторонамъ этой главной артеріи сада располагались въ строгомъ симметричномъ порядкѣ участки сада, которые по мѣрѣ возможности разнообразились характеромъ своихъ насажденій. Будучи приглашенъ въ Петербургъ уже вполне сложившимся художникомъ, который „кредитъ имѣеть великой во Франціи“, тридцати семи лѣтъ отъ роду въ полномъ разцвѣтѣ силъ и таланта, руководствуясь выше изложенными принципами французской школы, Леблонъ приступилъ къ перепланировкѣ Лѣтняго сада, одному изъ своихъ главныхъ твореній. Къ своей задачѣ Леблонъ отнесся въ высшей степени добросовѣстно: вычертилъ новый планъ Лѣтняго сада, посланный имъ на „апробацію“ къ Петру за-границу, снабженный довольно обширной объяснительной запиской съ детальнымъ исчисленіемъ необходимыхъ ему матеріаловъ и рабочихъ людей. Эта объяснительная записка черезъ Меншикова была представлена въ концѣ 1716 г. Леблономъ и въ Правительствующій Сенатъ, который своимъ приговоромъ отпустилъ необходимые матеріалы и рабочихъ. Въ Петровскомъ альбомѣ Эрмитажа сохранился планъ Лѣтняго сада, сдѣланный самимъ Леблономъ, повидимому тотъ самый, который посылался за-границу къ государю въ 1717 году вмѣстѣ съ проектомъ дворца въ „Стрѣлиной мызѣ“, сдѣланнымъ также Леблономъ. Въ своемъ доношеніи Меншикову Леблонъ, считаясь съ условіями общаго пейзажа и окрестностями сада, между прочимъ относительно перепланировки Лѣтняго сада писалъ: „Мнѣ мнитца, что весьма надобно снести нѣкоторые деревянные дома, которые обрѣтаются противъ главнаго пруда, для ихъ гнуснаго вида“. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на самый главный прудъ сада и писалъ, что „весьма надобно наносить глины въ прудъ, который дѣлаецца по конецъ сада, чтобъ онъ могъ держать воду въ равенствѣ высоты ходовъ“. Вокругъ пруда по предположенію Леблона должны были быть выровнены ходы, при чемъ „для содержанія ходовъ, кругъ онаго пруда“ должно было быть вбито 140 свай и 630 „обостренныхъ досокъ“. Длина этихъ ходовъ равнялась 70 погоннымъ саженямъ. Торопясь съ работами, Леблонъ предполагалъ произвести эту работу зимою 1716—17 года. Переходя далѣе къ малепькимъ оранжерейнымъ садамъ, онъ предлагалъ насадить полисады изъ живой изгороди подлѣ ихъ стѣнъ и деревья по берегу рѣки. Далѣе Леблонъ находилъ необходимымъ сломать бесѣдку, которая находилась на берегу канала противъ цвѣтовыхъ садовъ, „по-неже оная весьма есть негодна“. „Для дѣланія кинконсе¹⁾ и боскетъ“

¹⁾ Quiconse — разсадка деревьевъ косыми рядами.

Леблонъ было отведено пространство въ 7800 квадратныхъ сажень, „которое надлежитъ учредить для посаженія тамо деревьевъ, рѣшотокъ и полисадовъ“. Для этого „во всей части сада состоящей между помянутыми цвѣтовыми садами и каналомъ, что по конецъ сада, вынуть деревья“. Не упуская возможности помѣстити воду, Леблонъ полагалъ, что „пристойно здѣлать въ помянутыхъ баскетъ 2 бассейна, діаметромъ всякой въ 7 двухъ кинконсе и булингримъ¹⁾ (sic),“ протяженіемъ въ 1500 сажень Леблонъ предлагалъ устроить рѣшетки, „высокія, какъ можно человѣку оперетца“. Главная система водоснабженія многочисленныхъ садовыхъ бассейновъ и фонтановъ лѣтняго сада была спроектирована Леблонъ чрезвычайно богато. Въ своемъ доношеніи Меньшикову онъ писалъ: „Мнѣ мнитца, что весьма надобно здѣлать пруды 12 въ 24 фута выше садовые земли, состоящей отъ малыхъ цвѣтовыхъ садовъ даже до большого пруда, что по конецъ сада. Оные пруды будутъ наполнены чрезъ двѣ вѣтренныя мельницы и двѣ машины лошадьми, которыя удовольствуютъ ихъ безпрестанно водою для бассейновъ, каскадовъ и гротъ садовыхъ. Четыре колодезя будутъ имѣть 8 футовъ діаметра, 12 футовъ глубины, а стѣны толщиною въ 3 фута; 4 акведука, которые будутъ комюниковать оные колодези съ рѣкою для привожденія въ нихъ воды ради машинъ, все длины 45 сажень.“ Кромѣ этой главной системы водоснабженія лѣтняго сада, по всей его территоріи было разбросано множество отдѣльныхъ прудовъ и бассейновъ. Леблонъ старался всячески ускоритъ ходъ работъ, предполагая къ началу строительнаго сезона весною 1717 года заготовить всѣ необходимые матеріалы и закончить предварительныя работы по заготовкѣ техническихъ принадлежностей машинъ для водоснабженія сада. По этому поводу онъ писалъ Меньшикову: „Тяжелыя вещи къ машинамъ могутъ коватца сею зимою въ Адмиралтействѣ и на Оружейномъ дворѣ. Литейныя вещи изъ свинца и другія могутъ дѣлатца сею зимою во Французскомъ Литейномъ дворѣ“. Затѣмъ Леблонъ, останавливаясь на постройкѣ грота, писалъ: „Мнѣ мнитца, что весьма надобно окончить гроту, начатую по чертежу, какъ я сдѣлалъ“. „По сторонамъ оныхъ гротовъ, Леблонъ проектировалъ, 2 пруда, которые будутъ комюниковать съ сими, которые по конецъ сада, въ которыхъ прудахъ будутъ супапе и призе всѣхъ трубъ кашкадовъ²⁾.“ „Для укрѣпленія ходовъ вокругъ гроты“ должны были быть вбиты сваи и обостренные доски общимъ протяженіемъ въ длину 90 сажень. Далѣе Леблонъ проектировалъ „сдѣлать противъ грота амфитеатръ и кашкадъ“. Внутренніе

1) Boulingrin—лужекъ, мѣсто устланное дерномъ.

2) Soupape—клапанъ, захлопка, затычка, prise—взятіе, prise d'cot—отведеніе, взятіе воды.

полисады, которыми раздѣлялись 4 цвѣтника Леблонъ предполагалъ сломать и перенести на другіе мѣста сада, „гдѣ пристайно“, тѣ же, которые окружали цвѣтники, предполагалось „прорубить анъ портике (sic)“. „Деревья маленькаго квадратнаго кинконсе, что противъ палатъ“, Леблонъ приказалъ „вынять для дѣланія на томъ мѣстѣ цвѣтника и бордовать ево полисадомъ“. Далѣе онъ предполагалъ „сломать одинъ конецъ отъ нѣкоторые бѣрсо (sic), которая обрѣтается весьма близко“ къ портикамъ, сдѣланнымъ по берегу Невы. Въ сохранившихся запискахъ путешественника отъ 1717 года мы уже читаемъ совершенно другой оазывъ о Лѣтнемъ садѣ, чѣмъ въ 1710 году. Путешественникъ удивляется, что въ столь короткое время могъ возникнуть этотъ „очень красивый садъ, не оставляющій желать ничего лучшаго.“ Кромѣ фонтана, путешественникъ также отмѣчаетъ гротъ, поразившій его своей затѣйливостью даже въ неотстроеннѣ видѣ. Путешественникъ же полякъ, посѣтившій Петербургъ въ 1720 году, на слѣдующій годъ, послѣ смерти Леблона съ особеннымъ восторгомъ описывалъ Лѣтній садъ. „Сады, писалъ онъ, очень красивы. Я слышалъ отъ самого царя, который сказалъ намъ: „Если проживу три года, буду имѣть садъ лучше, чѣмъ въ Версалѣ у французскаго короля“. И въ самомъ дѣлѣ, сюда привезена моремъ изъ Венеціи, Италии, Англии и Голандіи масса мраморныхъ статуй, колоннъ; даже цѣлая бесѣдка изъ алебаstra и мрамора привезена изъ Венеціи для сада, расположеннаго у самой рѣвки между каналами. Здѣсь множество замѣчательныхъ вещей бесѣдокъ, галлерей насосовъ и удивительно красивыхъ деревьевъ. Къ рѣвкѣ ведутъ галлерей, гдѣ можно сѣсть на ботикъ, галеру, яхту или буерь, чтобы ѣхать на море или гулять по каналамъ и большой и широкой рѣвкѣ“. Въ своемъ „Дневникѣ“ Берхгольцъ даетъ подробное описаніе Лѣтняго сада и его разбивки въ главныхъ чертахъ тождественное съ планомъ Леблона. Подъ 9 іюля 1721 года у Берхгольца записано: „Садъ этотъ имѣетъ продолговатую форму, съ восточной стороны къ нему примыкаетъ Лѣтній дворецъ царя, съ южной оранжерея, съ западной большой и красивый лугъ, а съ сѣверной онъ омывается Невой, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою. Разсмотрю по порядку все, что тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны, у воды стоятъ три длинныя открытыя галлерей, изъ которыхъ длиннѣйшая—средняя, гдѣ всегда при большихъ торжествахъ, пока еще не начались танцы, ставится столъ со сладостями. Въ обѣихъ другихъ помѣщаются только столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галлерей находится статуя Венеры, которую царь до того дорожилъ, что приказываетъ ставить къ ней для охраненія часового. Противъ этой галлерей аллея самая широкая во всемъ садѣ: въ ней устроены красивые фон-

таны бююціе довольно высоко. Вода для нихъ проводится въ бассейны изъ канала, съ помощью большой колесной машины, отчего въ ней никогда не можетъ быть недостатка. У перваго фонтана мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ со своими дамами, а далѣе у другога, стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ, это мѣсто царя. Вправо отъ этой круглой и раздѣленной, четырьмя аллеями площади, съ одной стороны стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицомъ, у подножія которой течетъ или лучше сказать бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы, частью свободно расхаживаютъ, частью заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. На другой сторонѣ фонтана противъ упомянутой статуи, устроена въ гущѣ деревьевъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно проводитъ время царь, когда желаетъ быть одинъ, или когда хочетъ кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти оттуда нѣтъ никакой возможности, какъ скоро отчалитъ стоящій вблизи ботинокъ, на которомъ переправляются къ бесѣдкѣ.... Противъ большого птичника устроены еще, въ видѣ водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосудами. Это мѣсто, гдѣ находится также и оранжерея, безспорно, одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается.

Далѣе отсюда вправо стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми стаями летаютъ и садятся на посаженные внутри ея дерева“.

Рисунокъ Птичника для Лѣтняго, сада составленный Леблономъ, представлялъ собою изображеніе индо-китайской посуды. Въ планѣ это причудливый павильонъ представлялъ собою восьмиугольную звѣзду, почти сплошь покрытую рѣзнымъ орнаментомъ, при волнистомъ профилированіи граней и обломовъ, то отлогихъ, то извивающихся и крѣпко связанныхъ верхнимъ поясомъ, непосредственно подъ откосомъ крыши, увѣнчанной золоченымъ флюгеромъ въ видѣ дракона.

„Еще далѣе, писалъ Берхгольцъ, на лѣво строится новый гротъ, который снаружи уже почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано и половины того, что предположено сдѣлать; онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ потому, что для покрытія его стѣнъ и потолка назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, приобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ“.

Въ описаніи Берхгольца гротъ получилъ тотъ обликъ, который ему придалъ Леблонъ на своемъ Эрмитажномъ планѣ Лѣтняго сада. Но въ послѣдствіи Леблону не пришлось его достроить, такъ какъ Петръ возвратился изъ-за-границы осенью, а съ весны слѣдующаго 1718 года Леблонъ принужденъ былъ почти исключительно работать въ Петергофѣ, и гротъ въ Лѣтнемъ саду былъ достроенъ ближе къ первоначальному Шлюгеровскому проекту и измѣненія Леблону остались лишь на планѣ.

Большой Петергофскій дворецъ Леблонъ успѣлъ построить, хотя въ первоначальномъ видѣ онъ просуществовалъ недолго и былъ позже перестроенъ Растрелли сыномъ, но все же Леблондовскій фасадъ Петергофскаго дворца, вошедшій въ составъ позднѣйшей композиціи Растрелли, косвенно опредѣлилъ общій характеръ этой постройки. Въ архивѣ Министерства Двора сохранился проектъ Большаго Петергофскаго дворца съ многочисленными собственноручными помѣтами Петра Великаго, изъ чего можно заключить, что чертежъ этотъ былъ „въ дѣлѣ“. Къ сожалѣнію не предстаетъ возможнымъ установить, является ли этотъ чертежъ оригиналомъ, принадлежавшимъ самому Леблону, или это только копія его, исполненная однимъ изъ его помощниковъ или учениковъ. Композиція этого зданія является типичной для Леблону, поскольку его манера извѣстна по уцѣлѣвшимъ въ Парцѣ его постройкамъ. Что же касается Петергофскаго парка, то онъ является всецѣло дѣтищемъ Леблону.

Петергофскій паркъ чрезвычайно напоминаетъ собою паркъ въ Версалѣ—этотъ выдающійся *chef d'oeuvre* изъ созданий знаменитаго Ленотра. Основная идея, руководившая Леблономъ при созданіи плана Петергофскаго парка, была та, что онъ является вполне самостоятельнымъ и обособленнымъ отъ всего окружающаго художественнымъ произведеніемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Петергофъ даже стоитъ выше Версаля по богатству воды петергофскихъ фонтановъ и величественной аллеей вѣковыхъ липъ.

Относительно работъ Леблону въ Петергофѣ нашъ документъ *) даетъ довольно много данныхъ объ измѣненіяхъ, внесенныхъ Леблономъ въ первоначальный планъ дворца и парка въ Петергофѣ и тѣхъ обширныхъ ирригаціонныхъ работахъ, которыя ему пришлось предпринять для осушенія мѣстности. „Сего 1 ноября 1716 года, писалъ Леб-

*) Дѣла и приговоры Пр. Сената кн. № 67/9, стр. 211—313. Архивъ Мин. Юстиціи.

лонъ въ доношеніи Меншикову, былъ я въ саду и палатахъ Петергофа и Монтъ-Плезира, для осмогрѣнія тамо всякихъ работъ, которыя принадлежатъ тамо производитца для совершеннаго его окончанія“. Далѣе Леблонъ подробно намѣчалъ планъ перепланировки парка и перестройки дворца.

Въ своемъ доношеніи Меншикову Леблонъ между прочимъ писалъ о Петергофскомъ дворцѣ: „Я обсервовалъ и видѣлъ, что палаты Петергофа весьма малы для сѣзда двора, егда Ево Величество соизволятъ тамо препроводить нѣколикіе дни, такъ же нѣтъ тамъ задняго двора для экипажа и того ради мнитца мнѣ, что весьма надлежитъ здѣлать еще двой палаты и два двора задніе, одинъ для придворныхъ Его Величества и экипажа, другой для пріѣзжихъ“. Первоначальныя постройки Петергофа были найдены Леблономъ въ крайне плачевномъ состояніи.

„Мнѣ мнитца, писалъ онъ, что весьма надобно есть прежде всего не допустить переднія и побочныя стѣны до разсѣдованія, понеже уже начали сѣдатца и удержатъ палаты отъ совершеннаго разоренія, которое можетъ случитца въ малое время отъ рытья гроты, которая обрѣтается весьма блиско полатъ и больше 30 футовъ ниже фундамента палатъ также и отъ водъ, которыя во многихъ мѣстахъ фундамента имѣють протеченія свои. Способы, которыми надлежитъ тому помощи суть сіи: надлежитъ переднія стѣны съ побочными связать якорями и связями желѣзными и остановить теченіе водъ акведукомъ или трубою, которою окружатца полаты, отъ которыхъ оной акведуку оставитца 4 сажени, которой будетъ принимать не токмо что земляныя воды, но и дожевыя, стекающіяся съ кровли палатъ и сходовъ сада.“

По мысли Леблона также должны были быть передѣланы и садовые гроты, о которыхъ онъ писалъ, что: „средняя піэса полатъ можетъ быть опредѣлена въ гроты и хладную салу, въ которой можно кушать лѣтомъ, 2 піэсы побочныя опредѣлятца на бюфеты, а другія 2 могутъ содержать 2 круглыя лѣстницы съ каменными сводами, которыми будутъ входить на терассу гротовъ, на которой будетъ другая большая лѣстница съ двѣма входы, которая приведена на терасу палатъ такъ, какъ назначено на моемъ проектѣ и на чертежѣ, посланномъ къ Его Императорскому Величеству.“

Систему водоснабженія Петергофа Леблонъ спроектировалъ чрезвычайно богато. Относительно этого вопроса Леблонъ писалъ въ доноше-

нїи Меньшикову: „я обсервоваль и мѣрялъ высоту двухъ маленькихъ ручьевъ, которые совокуплены вмѣстѣ и текутъ въ море пониже Петергофа пятью-десятью саженими и я надѣюся, что, когда сдѣлаецца плотина и оныя вспрудятся, которая плотина будетъ имѣть 45 сажень длины, а ширину настоящую, то свободно можетъ остановить теченіе оныхъ ручьевъ и возвыситъ воду ихъ столь высоко, сколько надлежитъ и провести ее чрезъ ямы въ пруды. Я освѣдомлялся о состояніи ручьевъ и слышалъ отъ тутошнихъ жителей, что они весьма мало въ нѣкоторое время произносятъ воды и того ради надобно сдѣлать маленькія ямы въ земли и поднять повыше оныхъ ручьевъ и обсервовать надлежащую покатость для совокупленія тамо водъ изъ лужъ и дождевыя, также сдѣлать цѣянцы и маленькія траншеи въ обложныхъ болотахъ для протеченія водъ для совокупленія оныя воды съ помянутыми ручьями изъ чего произнесется довольство воды для кашкадовъ и бассейновъ, назначенныхъ на чертежѣ“. Затѣмъ онъ полагалъ: „рыть каналъ шириною въ 4 сажени отъ плотины вышепомянутой даже до конца сада для проваженія тамо воды“ и другой каналъ отъ моря, „толь глубоко, чтобъ шлюпки и буеры могли туда входить“. По всей территоріи сада Леблономъ было разсыяно громадное количество прудовъ, фонтановъ, кашкадовъ, бассейновъ и т. под. „Понеже, писалъ онъ, вокругъ Петергофа не обрѣтаецца натуральныхъ водъ и ключей столь высокихъ, которые бы могли удовольствовать игральными водами верхней садъ, которой безъ сего будетъ весьма не весель. Весьма надлежитъ сдѣлать вѣтренную мельницу и машину конскую, для поднятія воды изъ двухъ колодезей, которые тамо дѣлаютца“. Относительно распланировки парка въ донесеніи Леблона содержится сравнительно не много данныхъ. „Понеже весьма непріятно есть, писалъ Леблонъ, что такой малой садъ, какъ Питергофской, что на горѣ, былъ огороженъ стѣнами и того ради мнѣ мнитца, что надобно его окружить рвами, дабы видъ не былъ заслоненъ“. Сообщеніе нижняго сада съ верхнимъ было разработано Леблономъ довольно оригинально: „понеже, писалъ онъ, ходъ обрѣтающійся противъ Монтъ-Плезира есть весьма узокъ и того ради надобно прибавить оному ширины и сдѣлать противъ его въ косогорѣ фонтаннымъ амфитеатромъ, по сторонамъ котораго по лѣстницѣ, для вехода и схода съ верхняго сада въ нижней“. Далѣе онъ писалъ: „весьма надобно носить землю для учрежденія и возвышенія хода на берегу моря обѣ Монтъ-Плезира, даже до двухъ мостовъ, „которые формуютъ каналъ“. Этотъ ходъ долженъ былъ быть укрѣпленъ сваями и „обостенными“ досками и служить „для охраненія терасъ отъ морскихъ волнъ“. Обѣ стороны хода „что противъ Монтъ-Плезира“ Леблонъ полагалъ „обордовать портикою рѣшеточною въ нищу круглую и четверуголь-

ную альтернативеминь (sic). Всякая ниша четверугольная будетъ имѣть по лавкѣ, а 10 нишъ круглыхъ по маленькому бассейну и фонтану“. Относительно же наслажденій Леблонъ писалъ въ доношеніи Меншикову, что „понеже большая часть сада верхняго еще не насаждена есть, а что мало и здѣлано и то весьма худо диспозиціею, и того ради мнитца мнѣ, что сдѣлать ему новый чертежъ, который бы имѣлъ сходство съ положеніемъ мѣста“.

Дворецъ въ „Стрѣлиной мызѣ“, постройка котораго первоначально была также поручена Леблону, былъ задуманъ грандіозно. Въ теченіе 1715—23 года Петръ особенно интересовался этой постройкой. Будучи за-границей онъ беспокоится, почему Леблонъ долго не высылаетъ заказныхъ ему плановъ Стрѣлинскаго дворца для „апробаціи“. 3 марта 1717 г. онъ писалъ Меншикову „Зѣло сожалѣемъ, что чертежи Леблоновы такъ замѣшались; онъ хочетъ всей работѣ прислать, а надлежало бѣ прежде всего Стрѣлинскому огороду“. Чертежи вскорѣ были доставлены Леблономъ, но осуществить ихъ ему не удалось. „Стрѣлинскій огородъ“ по предположеніямъ Леблона долженъ былъ быть украшенъ грандіознымъ и въ высшей степени изящнымъ гротомъ, отъ котораго до нашего времени уцѣлѣлъ въ собраніи Эрмитажа лишь проектъ. Этотъ проектъ поражаетъ изумительнымъ мастерствомъ въ трактовкѣ архитектурныхъ формъ, искусствомъ соблюдать гармонію въ распредѣленіи частей этого очаровательнаго сооруженія¹⁾.

Доношеніе Леблону Меншикову относительно работъ въ „Стрѣлиной мызѣ“ содержитъ соображенія Леблону лишь относительно первоначальныхъ работъ, носящихъ подготовительный характеръ. Главнымъ образомъ беспокоился Леблонъ о томъ, что къ началу строительнаго сезона не будетъ приготовлено достаточное количество рабочихъ и лошадей къ землянымъ работамъ по закладѣ фундамента палатъ, рас-планировки сада и доставкѣ матеріаловъ и заготовлены необходимые инструменты, „дабы работники неукоснѣли бы производить работу“.

Изъ прочихъ проектовъ Леблону самымъ грандіознымъ былъ проектъ С.-Петербурга на Васильевскомъ островѣ. По идеѣ Петра Санктъ-Питеръ-Бурхъ долженъ былъ напоминать Амстердамъ или Венецію. Леблонъ вѣрно схватилъ идею Великаго Преобразователя и осуществилъ ее въ своемъ проектѣ. Весь Васильевскій островъ долженъ былъ быть прорѣзанъ сѣтью каналовъ, въ центрѣ пересѣченія главныхъ

¹⁾ И. Грабарь. Архитекторы иностранцы при Петрѣ Великомъ. Старые годы, VII—IX стр. 134—140.

каналовъ, расходящихся радіусами на особомъ островкѣ, предполагалось помѣстить дворець государя и окружить его прекраснымъ садомъ; вокругъ дворца должны были быть размѣщены дворцы приближенныхъ къ государю лицъ и зданія государственныхъ установлений. Каждый небольшой участокъ, образуемый каналами долженъ былъ быть украшенъ церковью. Земля, вырытая изъ каналовъ, должна была сильно возвысить уровень почвы подъ домами и такимъ образомъ осушить мѣстность и обезопасить отъ наводненій. Городъ долженъ былъ быть окруженъ садами и два сада должны были быть внутри города, на площадяхъ же должны были быть устроены фонтаны. Этотъ грандіозный проектъ не осуществился. На послѣднюю роль въ этомъ провалѣ грандіознаго начинанія Петра сыграла интрига Меншикова, который, препятствуя успѣху Леблона, приказалъ прорыть гораздо меньшіе каналы и застроить ихъ по берегамъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое исправленіе въ планѣ города. Вообще Меншиковъ не влюбилъ Леблона, принявъ его крайне недружелюбно, всячески ему затрудняя работы, задерживая доставку рабочихъ, уплату денегъ и собственными постройками противъ Леблоновскаго плана старался нарушать цѣльность Леблоновскихъ композицій. Дѣло осложнялось тѣмъ, что Меншиковъ, какъ Петербургскій генералъ-губернаторъ, „имѣлъ смотрѣніе“ именно за постройкой новой столицы. Этими интригами Меншикова также очень задерживались работы Леблона по „Лѣтнему дому и въ Петергофѣ и въ Стрѣлиной мызѣ“, такъ какъ Сенатскимъ приговоромъ предписывалось „работниковъ отправлять къ нынѣшней зимней и въ предлѣтнюю работу изъ Санктъ-Питеръ-Бургской губерніи для того, что по имянному Его Царскаго Величества указу 1715 года декабря 22 дня¹⁾ Питеръ-Бургская губернія опредѣлена къ мелочнымъ дѣламъ“. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится зданіе Сената Леблономъ былъ построенъ цѣлый рядъ домовъ, получившихъ названіе „Княжескихъ мазанокъ“, гдѣ поселились, вышеписанные изъ Франціи мастера и техники. Мазанки были построены изъ дерева, но расписаны краской подъ кирпичъ. Петербургскимъ постройкамъ этого замѣчательнаго французскаго мастера, какъ большинству памятниковъ Петровскаго времени не было суждено сохраниться до нашего времени. Все что сохранилось отъ Леблона совершенно искажено до неузнаваемости послѣдующими перестройками, поручавшимися мастерамъ, которые не считались ни съ первоначальнымъ характеромъ и стилемъ зданія ни даже вообще съ требованіями хорошаго вкуса. Большинство изъ построекъ Леблона погибло, но довольно много сохранилось въ чертежахъ,

¹⁾ Полное собраніе законовъ № 2969.

въ невыполненныхъ и даже неначатыхъ постройкой проектахъ, сохранившихся въ собраніи Эрмитажа. Среди дошедшихъ до насъ чертежей Леблону останавливаетъ вниманіе по грандіозности замысла проектъ какого-то манежа, исполненный Леблономъ въ той скромной и въ то же время изящной архитектурѣ, которой онъ увлекъ и самого Петра.

Въ „княжескихъ мазанкахъ“ вмѣстѣ съ своими сотрудниками Леблонъ устроилъ первую въ Россіи художественную школу лѣпки и рѣзбы по дубу. Главное руководство этимъ дѣломъ взялъ на себя Мишель или Михель, привезенный Леблономъ вмѣстѣ съ собой изъ Франціи. Насколько дѣло обученія „всѣмъ художествамъ“ было поставлено Леблономъ широко, видно, хотя бы изъ того, что 8 октября 1716 года С.-Петербургскій генераль-губернаторъ Меньшиковъ предписалъ выслать изъ С.-Петербургской губерніи къ Леблону 120 мастеровыхъ людей: „столяровъ, рѣзчиковъ каменныхъ и по дереву, слесарнаго дѣла мастеровъ или кузнецовъ“.¹⁾ Въ донесеніи генераль-губернатора по этому поводу въ Сенатъ говорится, что Леблонъ „черезъ капитуляцію обязался учить русскихъ людей всѣмъ художествамъ, которымъ онъ и въ его правленіи сущіе мастера искусны“. Задачи, преслѣдовавшіяся школой Леблону были, главнымъ образомъ, практическія. Работные люди посылались въ школу Леблону уже съ подготовкой, какъ выражается нашъ документъ: „чтобъ они тѣмъ ремесламъ были уже искусны, дабы не токмо тѣмъ художествамъ скорѣе обучитца, но и въ его Царскаго Величества врученныхъ ему дѣлахъ тѣмъ начальнымъ мастерамъ вспомогать могли.“

Съ высылкой учениковъ въ школу Леблонъ неоднократно торопилъ Меньшикова, „чтобъ скорѣе обучить ихъ могли, понеже по капитуляціямъ присланные изъ Франціи тѣ мастера на малое время и ежели вышеписанные люди для наукъ даны имъ будутъ поздно и пропуститца время, что уже имъ обучить ихъ будетъ некогда и съ того можетъ приключитца немалой убытокъ государственный.“²⁾ Очень характерно, что къ государственному интересу Леблонъ относился очень внимательно. Такъ, по его инициативѣ 21 декабря 1716 года былъ изданъ указъ³⁾ о высылкѣ для пробы изъ губерній раковинъ и „камешковъ разноцвѣтныхъ всѣхъ рукъ, какіе въ какихъ рѣкахъ явятца по цуду съ каждой губерніи, дабы вмѣсто того, что вывозить изъ другихъ странъ, тѣмъ исправитца могли“. Раковины и камешки „потребны были

¹⁾ Дѣла и приговоры Пр. Сената, кн. 36 36, л. 390—391. Архивъ Мин. Юстиціи.

²⁾ Дѣла и приговоры Пр. Сената, кн. № 67 9, лист. 53—54. Архивъ Мин. Юстиціи.

³⁾ Полное Собраніе Законовъ, № 3054.

Леблону къ строенію кашкадовъ и пещеръ¹⁾. По тѣмъ же мотивомъ Леблонъ требоваль высылки на пробу „для шпалерныхъ мастеровъ шерсти разныхъ рукъ по 10 фунтовъ изъ разныхъ городовъ, а изъ Москвы съ Суконнаго двора разныхъ же рукъ по 5 пудъ²⁾“. Такое внимательное отношеніе иностранца къ національнымъ богатствамъ является въ высшей степени рѣдкимъ и цѣннымъ.

Вообще Леблонъ оказалъ значительныя услуги нашему строительному дѣлу. По его инициативѣ, какъ генераль—архитектора, административная дѣятельность Канцеляріи строеній была такъ широко развернута, что является возможнымъ приравнять это учрежденіе къ современнымъ учрежденіямъ, на подобіе западно-европейскихъ министерствъ общественныхъ работъ. Номинально во главѣ Канцеляріи строеній съ 1715 года, хотя и былъ назначенъ петербургскій оберъ-комиссаръ Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, но конечно было бы ошибочно приписать его энергіи то необычайное количество строительныхъ указовъ, которые начинаютъ издаваться съ этого времени... Прекрасную характеристику Черкаскаго даетъ извѣстный историкъ Екатерининской эпохи кн. М. Щербатовъ. „Сей человекъ,—писаль онъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ“,—весьма посредственъ, разумомъ лѣнивъ, не знающъ въ дѣлахъ и, однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ богатствомъ“. Болѣе вѣроятно приписать этотъ разцвѣтъ Канцеляріи строеній съ 1715 по 1718 годъ дѣятельности Леблона. Онъ былъ единственнымъ французомъ среди всѣхъ архитекторовъ Петровской эпохи, большинство которыхъ были нѣмцы и притомъ не очень талантливые, тогда какъ Леблонъ былъ безусловно отмѣченъ печатью истинно французскаго генія.

Леблонъ умеръ въ 1719 году въ С.-Петербургѣ, всего лишь 40 лѣтъ отъ роду,³⁾ среди груды начатыхъ дѣлъ, большинство которыхъ было даже не доведено до половины. Ранняя смерть Леблона не дала ему возможности создать эпоху въ развитіи архитектуры въ Россіи. Причиною этого также были и тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ приходилось работать Леблону въ Россіи, при почти полномъ отсутствіи на мѣстѣ техническихъ силъ, которымъ бы онъ могъ передать осуществленіе своихъ грандіозныхъ проектовъ. Почти все пребываніе въ Россіи прошло въ работахъ по разбивкѣ Лѣтняго Петергофскаго и Стрѣльнинскаго парковъ. Особенно много ему пришлось поработать надъ

1) Дѣла и приговоры Пр. Сената, кн. № 36/36, лпст. 382—389.

2) Полн. Соб. Зак., № 3553.

3) Леблонъ родился въ 1679 году.

Петергофомъ, такъ-какъ, по условіямъ болотистой мѣстности, ему пришлось предпринять обширныя ирригаціонныя работы. Зато въ области садоводства, въ развитіи въ Россіи „L'art de jardins“ творчество Леблona имѣетъ неоспоримое значеніе. Съ началомъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго въ русскомъ садоводствѣ усиливается вліяніе западно-европейскихъ образцовъ. Созданіе же Леблономъ замѣчательныхъ по грандіозности замысла и художественному исполненію Лѣтняго Петергофскаго и Стрѣльнинскаго парковъ на старо-французскій ладъ открываетъ новую эпоху въ русскомъ садоводствѣ. Его великолѣпныя чертежи и проекты зданій только въ послѣднее время сдѣлались извѣстны широкимъ кругамъ интересующихся русскимъ искусствомъ, тогда какъ его классическіе образцы распланировки садовъ были всегда всѣмъ доступны и служили богатой сокровищницей вкуса, оказавшей глубокое вліяніе на распланировку нашихъ городскихъ и загородныхъ садовъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Январь 1916 г.

Всеволодъ Соколовъ.

